

Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы*

© 2012

Д. Смирнов

В статье обобщаются выдвинутые в российском китаеведении в 1990-е гг. концепции и оценки процесса политической эволюции Китая. Прослежена трактовка стратегии и тактики КПК в ходе проведения политики реформ и открытости, основных направлений и тенденций внутривнутриполитического развития в КНР в конце XX в. Отражены разные подходы российских китаеведов к анализу этих проблем.

Ключевые слова: политическая реформа, социализм, идеология, КПК, демократические партии, ВСНП, НПКСК, кадровая политика, оппозиция, рыночная экономика

В 1990-е гг. перед российскими исследователями встала сложная задача дать объективную оценку политическим процессам в Китае в условиях перехода страны к новому углубленному этапу проведения политики реформ и открытости после событий на площади Тяньаньмэнь, ряда «бархатных» революций в Восточной Европе и распада СССР. Все произошедшее поставило ученых перед необходимостью переосмысления исторического опыта социализма и выработки новых подходов к анализу процессов его трансформации на путях построения рыночной экономики. Важнейшими вопросами теории и практики в этих условиях стали соотношение рыночной экономики с однопартийной системой, а также содержание, цели, задачи и темпы реформы политической системы социализма.

При рассмотрении общих итогов исторического пути КНР отмечалось, что «в более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме... общую тенденцию развития социализма — «социалистической идеи» — от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму». Для осуществления реформ в таких крупных странах, как Китай и СССР, необходимы «политическая стабильность, сильная, авторитетная власть, способная преодолеть сопротивление реформам «вверху» и «внизу», создать условия для реализации реформ «мерами сверху при поддержке снизу», обеспечить экономическую и политическую стабильность при переходе к новым условиям жизни и производства¹. В то же время не ис-

Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук. Руководитель сектора истории КПК Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: smirnov_da@inbox.ru.

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

ключалось, что набирающий силу социально-экономический плюрализм «неизбежно потребует адекватных политических перемен», а существующая в Китае инфраструктура политического плюрализма в лице восьми демократических партий и массы общественных объединений в центре и на местах, действующих под контролем КПК, в случае ослабления ее роли «вполне могут стать механизмами политического самоопределения новых социальных слоев и групп». При этом отмечалась необоснованность пессимистической точки зрения на развитие политической ситуации в КНР после смерти Дэн Сяопина по причине «некорректности механического экстраполирования сегодняшнего дня в завтрашний» и наличия у правящей китайской элиты опыта собственного прошлого, подкрепленного уроками СССР, резко обострившего у нее «инстинкт самосохранения» и умение маневрировать накопленными ресурсами для решения фундаментальных проблем страны. Подчеркивалась необходимость постепенности в проведении реформ и недопущения резких скачков, чреватых дестабилизацией обстановки².

С точки зрения долгосрочной перспективы выделялась проблема проведения реформы политической системы и приведения моноцентричной надстройки в соответствие с многоукладной структурой экономического базиса. В качестве одной из специфических особенностей политической ситуации в КНР отмечалось отчуждение от власти сформировавшегося за годы реформ слоя частных собственников в стране, чем и объяснялось отсутствие там роста демократии³.

Ближайшая перспектива внутривластного развития связывалась с неизбежным формированием коллективного руководства после смерти Дэн Сяопина ввиду отсутствия равного ему харизматичного лидера при сохранении авторитаризма, который будет становиться более просвещенным в качестве «постоянного политического атрибута Китая»⁴.

Что касается проблемы обеспечения целостности государства в условиях развития рыночных отношений, то она обеспечивалась «мощным, эффективным контролем» центральной власти «над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами», а также «традиционной глубокой вовлеченностью армии в политические структуры власти» и сохранением важной политической роли вооруженных сил в стране «как гаранта сдерживания регионализма (сепаратизма) и подрыва государства»⁵.

Важное место в работах российских исследователей занимал анализ политики КПК и вопросов партийного строительства. Прежде всего подчеркивалось, что итогом реализации политики реформ и открытости стало создание рыночной экономики при сохранении существующей политической системы КНР с ее основой в виде собраний народных представителей при наличии «жесткой монополии КПК на власть» и отказе от заимствования западных политических моделей. При этом в государственно-политическом строительстве в КНР выделялся такой «новый момент», как декларирование задачи построения правового государства, в рамках выполнения которой КПК приняла обязательство действовать в рамках закона.

Отмечалось, что наряду с объективной потребностью Китая в резком ускорении развития производительных сил существовала и субъективная причина принятия стратегии реформ «как реакция на суть и последствия «культурной революции». Для преодоления застоя в экономике и безразличия народа к своей судьбе, помимо выдвижения «аполитичных и прагматичных» формулировок Дэн Сяопина «практика — критерий истины», «раскрепощать сознание» потребовалась глубокая перестройка идейно-теоретических основ китайского общества, в ходе которой «подверглись творческому пересмотру, казалось бы, незыблемые представления, считавшиеся объективными законо-

мерностями строительства социализма во всех странах». Значение некоторых теоретических новаций выходило за рамки собственно Китая, поскольку «они носили характер прорыва в науку о социализме, в особенности для стран со слабо развитой экономической системой»⁶.

В ходе изучения роли и места КПК в политической системе КНР на этапе проведения реформ российские исследователи отмечали, что проведение политики «реформ, открытости и модернизации» продемонстрировало не только выдающиеся успехи в экономическом развитии, но «показало также возможности и направления эволюции политического механизма и государственного устройства, как эффективные, так и тупиковые пути в развитии политической системы» Китая. В первую очередь это касается КПК — важнейшего субъекта политической системы КНР, ставшего главным инициатором реформ. Хотя политическая система перестраивалась не столь «революционно» как экономическая, «изменения институционально-политического плана как следствие преобразования функций субъектов власти, и прежде всего КПК, имели в специфических условиях Китая глубокий характер».

Суть процесса преобразования политической системы КНР в ходе реформ характеризовалась как «постепенный переход правящей партии от командно-административного стиля управления государством и обществом, принявшим абсурдные формы в период «культурной революции», к менее централизованной форме руководства, включающей элементы диалога КПК с политическими партиями и общественными организациями».

Изучение процесса перестройки деятельности КПК по реализации стратегии реформ показало, что эта перестройка шла по пути разграничения партийных и государственных функций, отказа от подмены государственных органов, децентрализации власти и постепенного преодоления «чрезмерной ее концентрации» при одновременном сосредоточении сил правящей партии на обеспечении политического, идеологического и организационного руководства и сохранении партийного влияния на все органы государственно-административного управления, прежде всего, путем совмещения партийных и государственных должностей руководителями всех уровней. Выделялись такие основные направления партийной работы в ходе проведения политики реформ, как перестройка системы отбора и подготовки кадров, борьба с коррупцией, выполнение контрольных, рекомендательных и воспитательных функций партии, достижение «устойчивого равновесия в управленческой сфере между партией, собраниями народных представителей, народными правительствами и судебными-прокурорскими органами». Также констатировалось усиление курса на правовое обеспечение функционирования всех элементов государственного механизма и общества «в рамках медленно текущей политической реформы с китайской спецификой»⁷.

Отмечалось усложнение идеологической обстановки, в которой приходилось действовать руководству КПК на этапе реформ. С одной стороны, в ходе попыток проведения либеральных реформ в рамках "перестройки" закостеневшего механизма власти фактически самоликвидировался Советский Союз, что не могло не поставить под сомнение историческую перспективу социалистического общественного строя. С другой — углубление реформ и политики «открытости» КНР обострило существующее расхождение между официальными идеологическими установками, сформировавшимися в период гражданской войны и социалистического строительства, и курсом на развитие китайской рыночной экономики.

В качестве главной особенности эволюции политической системы КНР в ходе реформ отмечено сохранение монополии КПК на власть в отличие от горбачевской пере-

стройки, во времена которой одновременно с либерализацией экономики вольно или невольно проводилась либерализация политической системы. Такой подход диктовался интересами сохранения социально-политической стабильности, которой отдавался приоритет в вопросе регулирования отношений между реформой, развитием и стабильностью, при одновременном признании необходимости «управлять страной на основе закона». Вместе с тем КПК приходилось руководить страной в условиях растущей имущественной дифференциации, формирования новых социальных слоев со своими объективными интересами, массовой коррупции и идеологической дезориентации населения, особенно молодежи, что создавало почву для отчуждения общества от власти.

Для преодоления этого отчуждения, помимо проведения соответствующей социальной политики, в сознание общества внедрялась жесткая и бескомпромиссная установка на обеспечение стабильности государства как главной гарантии успешного продолжения реформ и нормального развития страны. В то же время на всем протяжении процесса реформ происходило последовательное "вымывание" из идейно-теоретического арсенала КПК отдельных постулатов, вступавших в противоречие с установками на внедрение рыночных отношений в социалистическую экономику. Но этот процесс происходил постепенно и таким образом, чтобы не допускать излишнего обострения идеологических дискуссий, которые могли послужить детонатором социально-политической дестабилизации. Была пересмотрена прежняя оценка роли и места "идей Мао Цзэдуна", из которых были исключены допущенные им левацкие ошибки, а сам он был канонизирован как вождь, самостоятельно нашедший собственный путь китайской революции и строительства социализма на основе правильного применения основных положений марксизма в условиях Китая.

Необходимость адекватного реагирования на складывающуюся в процессе модернизации Китая новую социальную ситуацию способствовала трансформации КПК из партии классовой борьбы, нацеленной на осуществление революционных и социалистических преобразований, в партию классового мира — общенациональную по программе и социальному составу организацию, призванную обеспечить общенародную поддержку политики реформ и социально-политическую стабильность. Однако, в случае серьезного обострения социальной напряженности, не исключался временный откат назад — к усилению старых партийных традиций и методов пропаганды⁸.

В ходе изучения российскими исследователями процесса реформирования политической системы в современном Китае указывалась необходимость учета «характера и мощи инерции в исторической эволюции общества», имеющего свои культурно-исторические особенности и качественные характеристики, «делающие практически невозможными произвольные его трансформации». Это зависит от «культурно-исторических доминант» — «заданных прошлым направлений и одновременно ограничителей исторического движения». Для Китая это приоритет государства, государственной собственности как высшей ее формы, отсутствие демократических традиций, норм и институтов, господство отношений «государство — подданный». С началом реформ «партия-государство» вступило в период некоего «перерождения» (признание допустимости эксплуатации человека человеком, углубление разрыва между идеологическими установками и реальной жизнью, установление вместо «диктатуры пролетариата» «диктатуры ганьбу» под прикрытием тезиса о «демократической диктатуре народа»). «Партия-государство» становится «оболочкой», прикрывающей совершенно новые общественные отношения, вырастающие из новых устоев жизни, и новую систему ценностей. Но проблема китайского общества состоит в том, что самостоятельные общественные движения пока не сложились, а «партия-государство», в интересах собственного самосо-

хранения, препятствует осознанию новыми социальными слоями своих интересов, их самоорганизации, формированию гражданского общества и решительно выступает против многопартийности и парламентаризма.

Успехи экономических и политических реформ зависят от степени их поддержки обществом и создания условий для «социальной самостоятельности» всех его слоев. Однако, в этом же и кроется опасность отрыва «партии-государства» от общества, что может вызвать ослабление созидательного общественного потенциала и вызвать обострение социальных проблем и противоречий⁹.

Существовавшая до реформ в Китае конструкция «индустриального социализма» оценивалась в российском Китаеведении как «соединение жестко идеологизированной диктатуры компартии и мощного госсектора в промышленности», некий «партийно-индустриальный симбиоз», характеризующийся преобладанием внеэкономического принуждения. При проведении реформ этот «монумент» переживает децентрализацию, однако «структурно не перестраивается, сохраняя прежние административно-командные характеристики и оставаясь основой, несущим стержнем тоталитарной системы». В этих условиях «преодоление тоталитаризма» связано в первую очередь с углублением рыночных реформ в госсекторе, нацеленных на конечное разрушение «каркасообразующего партийно-индустриального монолита». В ходе реформ «партия-государство» уже не в состоянии контролировать социум прежними методами активной мобилизации, появились и расширяются очаги общественной и хозяйственной свободы, ширятся горизонтальные связи при сохранении ключевых позиций «партийно-индустриального симбиоза» в народном хозяйстве и в общественной жизни. Такого рода «посттоталитарной» общественно-экономической системе свойственны сохранение «коммунистической диктатуры» в политике и ведущих позиций индустриального госсектора в экономике, но уже в децентрализованном виде, частичная или полная деколлективизация в сельском хозяйстве и развитие мелкого частного предпринимательства, отказ от сугубо идеологического подхода к проблемам развития в пользу «идеологически-прагматического подхода» и т.д. Для Китая данная модель стала «огромным шагом вперед» по сравнению с «маоистским тоталитаризмом», обеспечив высокий экономический рост и подъем благосостояния значительной части общества¹⁰.

Был проведен анализ конкретной взаимосвязи политической борьбы в КНР, прежде всего демократического движения в конце 1980-х гг., с экономической политикой китайского руководства и общеэкономической ситуацией. Показаны разногласия в руководстве КПК по поводу студенческих выступлений, неподготовленность демократически настроенных кругов китайской интеллигенции к руководству студенческим движением. Утверждалось, что Дэн Сяопин относился к реформе политической системы лишь как к средству, призванному обеспечить проведение экономической реформы, из чего следовал вывод, что хотя «общая ситуация в Китае... внешне выглядит вполне устойчивой, однако потенциал консервативно-стабилизационного курса» «не представляется очень значительным», «неизбежный рано или поздно переход к более активному реформаторскому курсу определит и будущее этой модели, и сами судьбы китайской государственности»¹¹.

При оценке ситуации внутри китайского руководства в постдэнзовский период исследователи констатировали возрастание власти генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя при одновременной потере им прежней «мощной поддержки» со стороны Дэн Сяопина и тех силовых центров, на которые он имел возможность опираться, что вынудило его «постоянно учитывать мнение региональных лидеров». В качестве нового явления в постдэнзовский период отмечалось возрастание роли заместителя председателя КНР с приходом на эту должность Ху Цзиньтао. Тем самым обеспечивалось сохранение

преемственности высшей власти в государстве в руках представителя Компартии Китая «при любом повороте событий», и была «создана целостная система дублера Цзян Цзэминя и по партийной, и по государственной линии». Делался вывод о том, что «в перспективе Ху Цзиньтао может выйти на сцену в роли одного из двух высших руководителей партии и государства, реально решающих вопросы и распоряжающихся сосредоточенной в их руках властью»¹².

Китай характеризовался и как образец «самореформирования политической и экономической системы той модели социализма, реализация которой была начата в 1917 г.», при том, что именно в Китае «в наиболее чистом виде» был повторен «советский социалистический эксперимент». Реформы, начатые «коммунистами-реформаторами во главе с Дэн Сяопином», «инициировали развитие демократических тенденций в стране» и если бы не подавление «демократического движения в КНР» летом 1989 г., можно было бы говорить о триумфе Дэна и его сторонников в реформировании китайского общества и о «способности коммунистической идеологии адаптироваться» к новым социально-экономическим и идейно-политическим процессам. Но трагические события 1989 г. «оставляют серьезные сомнения в возможности именно КПК (точнее, ее реформаторского крыла) довести до конца начатое дело».

В качестве одного из важных направлений политической реформы в начале 1980-х гг. выделялась «структурная и кадровая реорганизация административных органов», о которой было заявлено на XIII съезде КПК в 1987 г. Однако эта реформа не была реализована во многом из-за событий на площади Тяньаньмэнь. Главная проблема, с которой сталкивается реформа системы исполнительной власти и которая не была решена и к середине 1990-х гг. — это сложившаяся еще в 1950-х гг. кадровая система, в основе которой — система номенклатуры советского образца с перечнем руководящих должностей и правом назначения на них, принадлежащим партийным органам. Данная система — основной инструмент контроля КПК над происходящими в обществе идейно-политическими и социально-экономическими процессами, устанавливающий пределы самостоятельности всех хозяйственных единиц, общественных организаций и т.д.

В 1990-е гг. не была также решена задача разграничения партийных и хозяйственных функций, являющаяся краеугольным камнем реформы политической системы, особенно на местном уровне. Отличительной чертой власти в КНР в это время являлось совмещение партийных и государственных постов на всех уровнях, вплоть до самого высшего, на котором главные рычаги власти сосредоточены в руках членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также осуществление партийного контроля над центральными министерствами и ведомствами через партийные группы руководства, подчиняющиеся непосредственно ЦК КПК. По этому принципу в 1990-е гг. формировались руководящие группы на всех уровнях административного и хозяйственного управления.

Отсюда делался вывод, что «в настоящее время никакой политической реформы не проводится (в том виде, как она была сформулирована на XIII съезде КПК)» и «произошел существенный откат назад», содержание «политической реформы» стало сводиться к разделению функций административных органов и предприятий, а не партийных и административных органов, к трансформации функций правительства, сохранению многопартийного сотрудничества, но без какого бы то ни было политического плюрализма. В результате экономический либерализм «пришел в известное противоречие с устойчивым консерватизмом в проведении политической реформы», но искусственное сдерживание демократических преобразований чревато новым витком конфронтации в обществе, несмотря на стабильную экономическую ситуацию. Об этом свидетельствовали студенческие демонстрации 1986 г. и трагические события 1989 г., когда «ни высшее

руководство, ни серьезные аналитики не могли предположить столь мощного движения в поддержку демократических реформ». Поэтому и при сохранении достаточно твердого контроля над ситуацией со стороны КПК «было бы ошибочным исключать возможность даже в ближайшей перспективе стремительного роста политического самосознания населения, социальных конфликтов и потрясений».

Поражение демократического движения в Китае в 1989 г. стало «логическим итогом развития внутривнутриполитической ситуации в стране», но «главной причиной обострения внутривнутриполитической ситуации стала медленная реализация политической реформы», осуществлявшейся «сверху», дозировано и осторожно, поскольку реформаторы рассматривали эту реформу как приводной ремень к маховику экономических преобразований. К тому же они испытывали давление со стороны консервативных сил, что не устраивало демократически мыслящую часть интеллигенции и студенчество, которое в Китае всегда было «детонатором революционных потрясений». Поражение демократического движения было обусловлено рядом объективных и субъективных причин: демократическое движение в КНР не было организованным объединением тех или иных социальных слоев и групп, как не было у этого движения и «реальных политических лидеров», обладавших широким общественным влиянием и опытом политической борьбы. «Грубейшей ошибкой» этих лидеров стало то, что они избрали одним из объектов своей критики Дэн Сяопина — патриарха китайских реформ», в результате чего он «вынужденно встал на сторону консерваторов и санкционировал расстрел»¹³.

Целый ряд российских исследований в 1990-е гг. был посвящен разным аспектам внутренней ситуации и проведения реформы политической системы в Китае, таким как национальный вопрос и национальная политика, правовые аспекты воссоединения Сянган и Аомэнь с Китаем, вопросы государственного строительства и развития права и др. Были рассмотрены факторы, угрожающие социально-политической стабильности в стране, к которым относились неудовлетворительное состояние общественного правопорядка; экономические преступления и, прежде всего, коррупция в государственном и общественном аппарате; рост цен и инфляция; неудовлетворенность части населения уровнем доходов и условиями жизни; неудовлетворенность социальным статусом; плохое состояние окружающей среды и недовольство политикой руководства страны, особенно проводимой демографической политикой. Для обеспечения социально-политической стабильности подчеркивалось особое значение надлежащего решения проблемы взаимоотношений центра и регионов, включая многоплановые экономические аспекты этой проблемы.

Повышенное внимание руководства КПК к проблеме социально-политической стабильности было обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, собственным историческим опытом социальных протестов, принимавших нередко масштабные разрушительные формы государственных переворотов, военного регионализма, национальных восстаний, гражданских войн и хаоса «культурной революции». Во-вторых, повышенной чувствительностью китайского руководства к разного рода протестным выступлениям в силу социалистического типа общественного развития с руководящей ролью коммунистической партии, особенно после распада СССР и мирового социалистического лагеря и нарастающего давления со стороны Запада по вопросу демократии и прав человека. В-третьих, наличием «тайваньского фактора» — населенного китайцами государственно-политического образования с иным общественным строем. В-четвертых, нарастанием угрозы сепаратизма на национальных окраинах КНР в условиях появления независимых государств с мусульманским населением на границе с Китаем на месте бывших советских среднеазиатских республик и усиления исламского фундаментализма.

Несмотря на все эти потенциальные риски дестабилизации обстановки, делалось заключение о том, что «можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в ближайшие 10–15 лет Китай не столкнется с такими крайними формами социально-политической нестабильности, как распад государства и насильственная смена общественного строя. По-видимому, практически маловероятна и возможность резкой дестабилизации социально-экономической ситуации в стране, сопровождающейся утратой центром контроля за положением в регионах, экономической депрессией, голодом и т.д.»¹⁴.

В ряде работ прослеживалась эволюция национальной политики КПК. Первый период — становление многоуровневой системы национальной автономии для неханьских народов после образования КНР, создававшей административно-правовую базу для учета интересов коренного населения национальных окраин, но носившей в значительной мере номинальный характер в обстановке доминирования великоханьского шовинизма. Период «культурной революции», характеризовавшийся полным попранием прав и интересов национальных меньшинств под лозунгом «слияния национальностей». Период реформ, когда происходило последовательное исправление прежнего курса, «шаг за шагом подвергались критике и отбрасывались почти все установки политики КПК в этой области, выдвигавшиеся с 1957 г.».

Национальная политика и ее теоретическая база после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 г. начали меняться. Прежде всего был восстановлен статус национального вопроса, значимость которого во внутренней политике возросла и который был поднят до уровня «стратегической проблемы». Была признана необходимость преодоления пережитков великоханьского шовинизма в умах кадровых работников и признания принципа равноправия национальных меньшинств. Повысился жизненный уровень неханьских национальностей, о чем свидетельствует рост их численности до 100 млн чел. (8,98% всего населения) в 1995 г. Развитая система национальной автономии — от национальной волости до автономного района на правах провинции — позволила в значительной степени учитывать специфические особенности и интересы национальных меньшинств. В 1980–90-е гг. была образована многоступенчатая система национального законодательства, расширялась подготовка национальных кадров и использование их на руководящих должностях в национальных районах.

Вместе с тем, еще нельзя было утверждать, что неханьцы стали в полной мере «хозяевами в собственном доме», так как сохранялась «докучливая опека над всеми сторонами жизни» этих народов. В то же время в условиях перехода страны к рыночной экономике, ускорившего нарастание разрыва в уровне развития между ханьскими (в первую очередь приморскими) провинциями и национальными окраинами, власти КНР «сочли целесообразным снять свою прежнюю установку о ликвидации фактического неравенства неханьцев» в пользу ликвидации «разрыва» в уровне развития ханьских и национальных регионов.

В целом констатировалось, что национальная политика в рамках стратегии реформ Дэн Сяопина «вышла на путь конструктивного решения национального вопроса; при этом в стране была сформирована целостная теория национального вопроса с учетом китайской специфики»¹⁵.

В русле развития национальной политики в период реформ китайские власти стали уделять больше внимания проблемам малочисленных народностей (этноты численностью до 100 тыс. чел.), что нашло отражение в исследованиях российских китаеведов. Так, отмечалось отставание этих народностей «в политическом, экономическом и культурном отношениях», особенно на Западе Китая. Благодаря принятым мерам численность этих народов начала увеличиваться, но в период реформ у малых народностей

появились новые проблемы, вызванные «ломкой их традиционного уклада жизни» и воздействием других факторов, из-за чего у ряда народов стал повышаться уровень заболеваемости и отмечались другие симптомы социального неблагополучия¹⁶.

Российские специалисты проследили ход подготовки перехода Сянгана под суверенитет КНР, начиная с ведения переговоров с Великобританией в 1984 г. и кончая анализом специфики административно-политического устройства Сянгана в составе КНР (с 1997 г.). Отмечалась «удачная работа в области правового, организационного и кадрового обеспечения начального этапа преобразований политической системы Сянгана». В то же время констатировалось, что китайское руководство не форсирует окончательную перестройку доставшейся в наследство от англичан политической системы Сянгана во избежание социальных беспорядков, экономического ущерба и подрыва международного престижа КНР, придерживаясь таких рассчитанных на длительную перспективу политических установок, как «сянганцы управляют Сянганом» и «высокий уровень автономии Сянганского особого административного района КНР»¹⁷.

В трудах российских правоведов были рассмотрены вопросы модернизации законодательства КНР после вступления Китая в период реформ — в области хозяйственного, гражданского, административного, уголовного, природоохранного, семейного права, государственной службы и борьбы с коррупцией. В качестве позитивного фактора выделялись «наращивание и модернизация обширного пласта законодательства по различным отраслям права», но при этом отмечалось, что «непростой задачей» для Китая остается «обеспечение действия права в социально-экономической и политической жизни»¹⁸.

Среди вопросов государственного строительства в КНР в рассматриваемый период российскими исследователями выделялась задача создания таких институтов власти, которые одновременно могли бы обеспечивать и поступательное развитие, и сохранение и укрепление руководящей роли КПК. В этой связи указывалось на такую отличительную особенность Конституции 1982 г., как создание впервые в послевоенной истории социалистических стран системы двух высших законодательных органов, обладающих полномочиями принимать общегосударственные законы — ВСНП как высшего представительного органа государственной власти, а также его Постоянного комитета как высшего коллегиального органа государственной власти, что позволяло интенсифицировать и ускорить работу по принятию законодательных актов. При этом ВСНП в качестве высшего государственного органа массового представительства обеспечивает легитимацию партийных предложений. С другой стороны, реформаторы нуждались в регулярной эффективной законодательной работе для решения, прежде всего, задач экономических реформ, «в достаточно компактных и компетентных органах государственной власти, контролируемых с помощью механизма ротации». Вместе с тем, лидеры-реформаторы в руководстве КПК, учитывая противодействие консерваторов и в силу сохранения партийно-аппаратного стиля работы, «стремились обеспечить легитимность своей власти и получить политические гарантии, не связывая себя конкретными обязательствами»¹⁹.

Российскими исследователями был также рассмотрен активизировавшийся в 1990-е гг. процесс законодательного регулирования деятельности ветви власти, называемой в КНР «политико-юридические учреждения», которые включают органы правосудия, общественной и государственной безопасности и систему исполнения наказаний. Была выявлена, с одной стороны, общая тенденция к определенной гуманизации, росту юридической культуры государства и общества в КНР, с другой, недостаточная проработанность законодательства в этой сфере²⁰.

Были прослежены основные этапы формирования представительной системы КНР, особенность которой состоит в том, что она относится к так называемому «советскому типу», при котором отрицается принцип разделения властей, важнейшие политические решения принимаются руководством КПК, но эти решения правящая партия проводит не непосредственно (как то имело место во время «большого скачка» и «культурной революции»), а оформляет в виде решений представительных органов власти. Отмечалась сложность решения в Китае проблемы разделения функций партийных и государственных органов, и был сделан вывод о том, что «представительная система КНР находится лишь в процессе становления, ее совершенствование и развитие институтов тесно связывается с проведением реформы политической системы», но в то же время «от несовершенства представительных органов зависит состояние всей политической системы». Последнее же «определяется в первую очередь соблюдением норм права, существующего как система, эффективно работающая на осуществление всесторонних реформ, поступательное развитие общества»²¹.

Была проанализирована структура власти в современном Китае, включая КПК, систему государственно-административных органов и политико-юридических учреждений, Единый фронт²². Прослежен продиктованный переносом упора в деятельности партии с конца 1970-х гг. на экономическое строительство процесс перестройки содержания и методов руководства страной в направлении разработки стратегии развития и обеспечения ее реализации, включающий работу с кадрами, решение теоретических вопросов модернизации и ее идеологическое обоснование. Это потребовало разграничения партийных и административных функций и отказа от прежней чрезмерной централизации власти. Изучена роль Постоянного комитета ВСНП в активизации законотворчества. Отмечалась особая роль НПКСК в объединении нации вокруг целей социалистической модернизации и выполнения задачи мирного объединения Китая по формуле «одно государство — два строя». Прослежены серьезные преобразования в кадровой политике, направленные на повышение эффективности всей системы управления страной. На основании вышеизложенных исследований было сделано заключение о том, что в Китае глубокие экономические трансформации сопровождаются постепенным преобразованием политической системы, включая определенную демократизацию системы выборов на местном уровне и либерализацию законодательства. Китаю требуется постепенность в развитии политической системы, учет национальных традиций и исторического опыта, поскольку резкие перемены слишком рискованны для этой огромной страны.

Российскими исследователями была выявлена тенденция к сокращению в середине 1990-х гг. общего числа сотрудников центрального государственного аппарата, отмечалось его омоложение и обновление, а также существенное повышение образовательного уровня на всех этапах власти, включая уездный. Все это позволяло считать сложившийся и функционирующий в Китае к середине 1990-х гг. кадровый корпус «способным поддерживать в стране стабильную обстановку» и «осуществлять экономическую реформу и политику открытости»²³.

Были проанализированы роль и место демократических партий в политической жизни КНР на этапе проведения политики реформ. Констатировалось, что эти партии, с одной стороны, не играют значительной роли, поскольку их предназначение определено в качестве «участвующих в политической жизни» под руководством КПК. С другой, в самом факте наличия этих партий в политической системе КНР, означающем признание многопартийности, налицо целый ряд позитивных моментов. Указывалось, что демократические партии являются для КПК каналами обратной связи с различными слоями общества, позволяющими еще на этапе обсуждения с ними важнейших решений общегосу-

дарственного масштаба «сгладить острые углы» и «выпустить пар» в случае возникновения в обществе напряженной обстановки. К тому же, эти партии играют созидательную роль в экономике, науке, медицине и других сферах деятельности, вносят большой вклад в развитие связей Китая с соотечественниками на Тайване и обширной зарубежной китайской диаспорой.

Был изучен такой специфический институт власти, как НПКСК, выполняющий в КНР функции Единого фронта и не имеющий аналогов в России ни по широте общественного представительства, ни по выполняемым функциям. Констатировалось возрастание роли этого института по мере углубления политики реформ, ведущей к усложнению социального состава китайского общества и нарастанию в нем идейного плюрализма²⁴.

С переходом Китая к политике реформ больше внимания стало уделяться низовому звену территориального общественного самоуправления — комитетам населения в городах, существовавшим и ранее, а с началом проведения политики реформ — созданию комитетов сельского населения. При изучении этого вопроса акцент был сделан на обновленных и принятых в годы реформ новых законах, регламентирующих данную сферу общественного самоуправления КНР, в первую очередь, на Законе об организации комитетов сельского населения, согласно которому этим комитетам были предоставлены широкие права как в сфере самоуправления, так и в хозяйственной и административной сферах²⁵.

В исследовании становления гражданского права в ходе проведения экономической реформы в КНР подчеркивалось, что такие особенности правового регулирования реформ в Китае, как решающая роль государства в проведении реформ и их постепенность в условиях отсутствия единства мнений в руководстве страны относительно содержания экономической реформы, обусловили осторожность при реформировании хозяйственного права, в частности, регулировании отношений собственности²⁶.

При оценке роли армии в общественно-политической жизни КНР был выявлен начавшийся с конца 1970-х гг. ее «постепенный отход от активного участия в политической жизни страны» к сосредоточению на решении собственно военных задач, а также к участию в экономическом развитии в соответствии с выдвинутой Дэн Сяопином установкой «армия должна подчиняться интересам общего дела, интересам строительства в стране». Однако, после событий на площади Тяньаньмэнь, в которых армия сыграла решающую роль, ее политическая значимость вновь стала возрастать, о чем свидетельствует увеличение представительства военных на XIV съезде КПК (1992 г.) и последовавшая за этим кампания по восхвалению заслуг армии при одновременном усилении партийного контроля над ней. Был сделан вывод о том, что «при любых условиях военным в Китае будет принадлежать ключевая роль, так как в рядах армии имеются деятели, способные поддержать перемены в обществе для осуществления серьезного поворота в развитии страны». Это обусловлено свойственным большинству кадровых военных «позитивным консерватизмом, базирующимся не на неприятии перемен, а на лояльности законным властям и нежелании социальных потрясений, ведущих общество к анархии и хаосу». Впрочем, в краткосрочной перспективе перемены, подобные тому, что произошли в СССР и Восточной Европе, признавались «маловероятными». В итоге было признано, что «при оценке развития внутреннего и внешнего политического курса КНР необходимо учитывать социально-политическую роль вооруженных сил, позицию военных в отношении путей и способов разрешения современных проблем Китая»²⁷.

В одной статье невозможно охватить все работы российских исследователей в 1990-е гг. по политико-правовой тематике развития КНР. Переходя к обобщению основных авторских подходов и оценок, следует отметить, что реформирование госсектора,

вслед за проведением реформ в деревне и дальнейшим расширением рыночных отношений в экономике, в целом размывает экономическую основу монополии КПК на власть и объективно создает предпосылки для ускорения социальной дифференциации, способной постепенно привести к размыванию идейно-политических основ руководящей роли КПК. И в самом Китае возникают споры относительно допустимой границы расширения необщественного сектора экономики без угрозы для существующего социалистического строя. Пока, со времени XV съезда КПК (1997 г.), принявшего решение о глубоком реформировании госсектора экономики, монополия КПК на власть поколеблена не была и серьезных изменений в политической системе страны не произошло.

На протяжении свыше 30 лет проведения курса реформ и открытости политическая система КНР устояла (в отличие от советской), демонстрируя при этом высокую эффективность в управлении экономикой. Вопрос в том, насколько хватит потенциала этой системы для разрешения растущих внутренних социальных противоречий и в каком направлении она будет эволюционировать либо радикально трансформироваться под воздействием совокупности внутренних и внешних факторов.

Обобщая вышеизложенный материал, можно прийти к выводу, что в работах российских исследователей 1990-х гг. достаточно всесторонне проанализирована эволюция политического строя в КНР по мере вступления Китая в новый этап политики реформ и открытости, характеризовавшийся ее углублением на фоне ускоряющейся дифференциации китайского общества и усложнения идеологической ситуации в стране по мере разрастания в ней идейного плюрализма. При этом практически всеми исследователями в разных интерпретациях констатируется сохранение авторитарного политического режима в КНР при постепенном развитии процесса демократизации разных сторон общественно-политической жизни, в том числе, внутри самой КПК.

Складывается впечатление, что на некоторые оценки российских исследователей 1990-х гг., связанные с ожиданием в обозримой перспективе трансформации существующего в КНР политического режима, заметно повлияли события в Китае в 1989 г. и в СССР на рубеже 1980-х—90-х, что вполне закономерно. В этом смысле характерен пример самого Китая, где под влиянием этих же событий в начале 1990-х гг. наблюдался пессимизм относительно перспектив продолжения политики реформ и открытости, вызвавший в качестве ответной реакции усиление «левых» тенденций в идеологии и политике, пока временное «замораживание» властями ситуации не сменилось там в 1992–1993 гг. курсом на углубление реформ. Тем не менее, следует признать, что в работах российских авторов, независимо от различий их мировоззренческих позиций, в целом дана достаточно объективная оценка событий и процессов, происходивших в Китае на протяжении последнего десятилетия XX в., способствовавшая правильному их пониманию и адекватному восприятию в России, а в результате — становлению и развитию добрососедских, дружественных отношений вновь созданной Российской Федерации с ее великим дальневосточным соседом.

-
1. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия: Вопр. междунаrod. и междивизиационных отношений. М., 1994.
 2. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
 3. *Титаренко М.Л.* Китай. Цивилизация и реформы. М., 1999.
 4. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
 5. *Титаренко М.Л.* Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации — условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востокoведение и мировая культура. К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского М., 1998. С. 70.

6. *Асланов Р.М.* КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 372–392.
7. *Мамаева Н.Л.* Коммунистическая партия Китая — ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 393–410.
8. *Смирнов Д.А.* XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР // Китай и АТР на пороге XXI века: Тез. докл. IX Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 29 сент. — 1 окт. 1998 г. Ч. 2. М., 1998. С. 9–14.
9. *Гельбрас В.* Реформы в КНР: проблема оценки итогов // МЭиМО. 1995. № 7. С. 18–31.
10. *Карпов М.В.* «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // Восток, 1996, № 3. С. 64–73.
11. *Карпов М.В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М., 1997.
12. *Галенович Ю.М.* Уход из жизни Дэн Сяопина и изменения в китайском руководстве // Китай на рубеже тысячелетий (по материалам научной конференции Центра исторических и политических исследований ИДВ РАН, состоявшейся в декабре 1997 г.) Информ. материалы ИДВ РАН. Сер. «Общество и государство в Китае в ходе реформ». Вып. 3. М., 1998. С. 22–25.
13. *Ахметиин Н.Х.* Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1996. № 2. С. 42–54.
14. *Портяков В.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР // ПДВ. 1998. № 2. С. 17–28.
15. *Москалев А.А.* Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 458–472.
16. *Лазарева Т.В.* Проблемы малочисленных национальностей в КНР // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. Тез. докл. VIII Международ. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 7–9 октября 1997 г.). М., 1998. С. 111–114.
17. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Важный шаг в объединении Китая (о некоторых политико-юридических аспектах воссоединения Сянгана с КНР) // Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского М., 1998. С. 362–381.
18. *Гудошников Л.М.* Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 411–428.
19. *Ахметиин Н.Х.* Указ. соч. С. 42–54.
20. *Гудошников Л.М., Яковлев М.* Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах // ПДВ. 1996. № 1. С. 54–63.
21. *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
22. Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996.
23. *Антонов В.И.* О реформе органов государственной власти КНР в 1993–1994 гг. // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы (Сб. докл. и сообщений участников V Международ. науч. конф. М., 12–14 октября 1994 г.). М., 1995. С. 23–29.
24. *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.
25. *Емельянова Т.М.* Сравнительное исследование организаций самоуправления в Китае // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. Тез. докл. VIII Международ. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 7–9 окт. 1997 г.). М., 1998. С. 47–54.
26. *Пащенко Е.* Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.
27. *Горбачев Б.Н.* Вооруженные силы Китая: роль в общественно-политической жизни КНР в 1949–1979 годы. М., 1999.